

в допросе несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого, в иных следственных действиях, производимых с их участием и с участием защитника, он вправе участвовать лишь с разрешения следователя.

А.П. Коротков и А.В. Тимофеев высказывают мнение, солидарное с позицией законодателя: отказ законного представителя от реализации своих прав присутствия при предъявлении обвинения и допросе не должен препятствовать осуществлению следственных действий [3, с. 487]. В то же время М.А. Фомин настаивает на обязательном участии законного представителя во всех следственных действиях с участием несовершеннолетнего [7, с. 203]. Следует согласиться с этим мнением, учитывая, что суть законного представительства в своеобразном дополнении неполной дееспособности несовершеннолетнего за счет наличия таковой у законного представителя, которая нужна на протяжении всего предварительного следствия, а не только на время допроса.

Частью 1 ст. 426 УПК РФ установлено, что законный представитель несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого допускается к участию в уголовном деле с момента первого допроса несовершеннолетнего. До первого допроса несовершеннолетнего, органами предварительного следствия может быть проведено довольно много следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого (осмотр места происшествия с участием подозреваемого, обвиняемого, опознание, назначение и проведение экспертиз), в результате которых могут быть получены доказательства, положенные в дальнейшем в основу приговора. В связи с неполной процессуальной дееспособностью несовершеннолетнего и тем фактом, что его сознание омрачено психическими расстройствами, отсутствие законного представителя влечет нарушение права несовершеннолетнего на установление дополнительных гарантий его прав.

Большое препятствие для осуществления дополнительных гарантий прав несовершеннолетнего может создать то, что законный представитель несовершеннолетнего не упомянут законодателем в процедуре ознакомления несовершеннолетнего обвиняемого с материалами уголовного дела. Следователь согласно ч. 1 ст. 217 УПК РФ предъявляет материалы уголовного дела обвиняемому и его защитнику, но не законному представителю.

Нередки случаи признания доказательств, собранных следователем по делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, страдающим психическим расстройством, недопустимыми. Тем не менее ч. 3 ст. 88 УПК РФ не указывает законного представителя в числе лиц, которые вправе заявить ходатайство о признании доказательства недопустимым, признавая подобное право только за подозреваемым и обвиняемым,

которые в силу своего несовершеннолетнего возраста и наличия психического расстройства вряд ли смогут им грамотно воспользоваться.

Подводя итоги, стоит отметить, что для обеспечения надлежащей защиты несовершеннолетнего законный представитель должен быть обязан участвовать во всех следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего, допускаться в уголовный процесс с тех же моментов, что и защитник, иметь возможность заявить ходатайство о признании доказательств недопустимыми и знакомиться с материалами уголовного дела.

1. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб., 2001.
2. Галимов О.Х. Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997.
3. Коротков А.П., Тимофеев А.В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ : комментарий. М., 2005.
4. Корякина З.И. Некоторые вопросы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в реализации права на защиту в досудебном уголовном судопроизводстве РФ // Государство и право: теория и практика : материалы Междунар. науч. конф. Челябинск, 2011.
5. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М., 2011.
6. Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М., 1959.
7. Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М., 2004.
8. Черных Э.А. Психологические основы допроса несовершеннолетних на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969.
9. Шумилин С.Ф. Руководство по расследованию преступлений. М., 2002. С. 492.

УДК 343.13

Л.И. Родевич, В.А. Нечаева

НЕКОТОРЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПОНЯТИЕ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Возникновение и развитие дознания имеет более чем вековую историю. Отечественными и зарубежными учеными-процессуалистами проведено немало исследований данного явления. Не раз менялись нормы законодательства, регулирующие уголовно-процессуальные отношения в данной сфере. Несмотря на это, до настоящего времени в законода-

тельных актах Республики Беларусь нет нормативного закрепления дефиниции дознания. Это представляется необходимым. Как справедливо отметил В.М. Савицкий, «термины... в языке закона... выполняют роль стержня, вокруг которого концентрируются все другие языковые единицы, служат скелетом, который обрастает, обволакивается словесной тканью», «около четверти всех нарушений законности вызваны несовершенством законодательных актов – их неполнотой, неясностью, противоречивостью» [9, с. 8–9].

Проанализировав отдельные нормы действующего УПК, можно сделать вывод, что они не дают однозначного понимания дознания. В частности, п. 26 ст. 6 УПК определяет предварительное расследование как «производство предварительного следствия, дознания по уголовному делу». Из этого следует, что дознание является формой предварительного расследования. При этом ч. 1 ст. 39 УПК называет лицо, производящее дознание, должностным лицом, уполномоченным органом дознания на осуществление досудебного производства. А как следует из п. 4 ст. 6 УПК, досудебным производством (в контексте компетенции органов дознания) является совокупность процессуальных действий и решений, совершаемых и выносимых при принятии и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении, а также по конкретному уголовному делу, т. е. органы дознания осуществляют данную деятельность не только в стадии предварительного расследования, но и в стадии возбуждения уголовного дела.

Определение данного вида уголовно-процессуальной деятельности органа дознания можно встретить в справочной и юридической литературе. При этом мнения в толковании различны.

По словарю Ф. Брокгауза, И. Ефрона, «дознание – это собирание официальным органом сведений или доказательств определенного факта; средством дознания служат опрос и осмотр, выражением – протокол [4, с. 272]. В. Даль толкует это слово, как «допытываться, узнавать, разузнавать, разведывать, доведываться, разыскивать, подходить розыском, осведомляться» [3, с. 454]. В словаре С.И. Ожегова «дознание» означает предварительное административное расследование [8, с. 152]. На наш взгляд, данные толкования абстрактны и не дают четкого понимания дознания.

Представляют интерес рассуждения С.Л. Масленкова, который пишет, что «словесная формула „дознание“ при определенной установке может быть истолкована не только как цель (пределы дознания), но и как некий уровень несовершенства результата – то, что существует до знания, то есть предшествует ему, представляет собой полуфабрикат знания. Подсознательная полисемия дознания как „до знания“ оказа-

ла влияние на генезис отечественной формы досудебной подготовки, обозначенной этим словом, в частности, предопределила существование двух видов дознания: до следствия и до суда [6, с. 17]. Как видим, С.Л. Масленков рассматривает дознание не только как полноценную форму расследования, но и как ее часть.

Проблем дознания как части своих исследований в уголовно-процессуальной сфере касались такие авторы, как С.В. Борико, Н.В. Жогин, И.В. Данько, А. Квачевский, Л.И. Кукреш, О.В. Рожко, М.С. Строгович, Ф.Н. Фаткулин, И.Я. Фойницкий, М.А. Шостак и многие другие. Существует немало и фундаментальных работ, посвященных исключительно дознанию как виду уголовно-процессуальной деятельности либо органам, которые ее осуществляют. Это работы Т.С. Борико, С.И. Гирько, Д.А. Гришина, В. Громова, С.И. Довгун, А.С. Есиной, З.Ф. Коврига, С.Л. Масленкова, О.В. Мичуриной, Е.Н. Погореловой, А.А. Чувилева и др.

В результате почти всех этих исследований авторами формулировалось понятие дознания. При этом часть ученых склоняются к ограничению дознания рамками производства по уголовному делу. Так, М.С. Строгович определял дознание как «первоначальный этап расследования уголовного дела, на котором фиксируются следы преступления и производятся неотложные следственные действия для раскрытия преступления и обнаружения преступника» [10, с. 27].

Российский ученый С.И. Гирько под дознанием понимает «обобщенное наименование уголовно-процессуальной компетенции ряда государственных органов, включая органы внутренних дел, реализуемой наряду с административной, оперативно-розыскной и другими направлениями деятельности, содержанием которой является предварительное расследование дел, по которым производство предварительного следствия необязательно» [2, с. 168]. Его соотечественница О.В. Мичурина считает, что дознание – это «форма предварительного расследования, выраженная в виде уголовно-процессуальной деятельности органа дознания по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, иначе – его процессуального полномочия, реализуемого в системе органа дознания дознавателем» [7, л. 42]. Такой подход можно объяснить тем, что оба автора связывают данное определение с понятием, законодательно закрепленным в УПК Российской Федерации, согласно п. 8 ст. 5 которого дознание – «форма расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу о преступлении, по которому предварительное следствие обязательно», что неприемлемо в настоящее время для уголовного процесса Беларуси.

Обращаясь к работам белорусских ученых, следует признать, что ими не так много уделялось внимания понятию дознания.

Один из вариантов определения дознания мы находим у Л.И. Кукреш в следующей формулировке: «дознание – одна из форм расследования преступлений, осуществляемая уполномоченными на то органами дознания в целях пресечения, предотвращения и раскрытия готовящихся или совершенных преступлений путем сочетания в своей деятельности оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных действий» [5, с. 26]. Данное определение предложено автором в 2000 г. и, как нам представляется, в настоящее время не в полной мере соответствует действительности.

Т.В. Борико предложила под дознанием понимать осуществляемую специально уполномоченными государственными органами деятельность, направленную на установление признаков преступления, лиц, его совершивших, а также производство неотложных следственных и других действий по установлению и закреплению следов преступления [1, с. 7]. На наш взгляд, данное определение ближе к современному содержанию дознания, осуществляемому в Республике Беларусь, но также не является идеальным.

Еще одна группа ученых полагают, что дознание должно ограничиваться установлением признаков совершенного преступления. В частности, В.К. Случевский считал, что целью дознания является лишь «обнаружение преступного характера происшествия», а «дальнейшие действия по розыскиванию и обличению преступника входят в задачу следователя» [11, с. 418]. Примерно такое же определение содержалось в своеобразном комментарии к Судебным уставам: дознание – это «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до нее слухов и сведений о преступлении или о таких происшествиях, о которых без розысканий нельзя определить, заключается или не заключается в них преступление».

А.А. Квачевский различал дознание в широком и узком смысле. В широком смысле это «все предварительное производство по делу, включая и оперативно-розыскные действия, направленные на обнаружение и фиксацию скрытых, тайных следов и установление виновников преступления», в узком – «собираение признаков одного преступления без указания преступника». При этом он отмечал, что отождествление дознания с розыском неточно, поскольку собственно «розыск составляет часть дознания, в обширном смысле – один из способов его производства, направленный к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления» [11, с. 418].

И.Я. Фойницкий утверждал, что дознание направлено на установление преступления и виновного в его совершении: «полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна

будет сперва сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных следствий значительно уменьшится», «судебный следователь, не участвуя в первоначальных розысканиях и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями, догадками, предполагаемым виновным, может беспристрастно, без всяких предубеждений судить о вероятности возводимых на кого-либо подозрений» [12, с. 380].

Думается, что вышеприведенные определения дознания не согласуются или не в полной мере согласуются с сущностью этой деятельности в Республике Беларусь на современном этапе.

В действующем УПК употребляются термины «деятельность органа дознания» и «дознание», а их нельзя отождествлять. На наш взгляд, первое понятие включает в себя второе, поскольку согласно УПК органы дознания осуществляют свою деятельность и по другим направлениям, в частности выполняют поручения следователя (ч. 7 ст. 36 УПК), проводят необходимые оперативно-розыскные мероприятия (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК), исполняют постановление (определение) суда по задержанию осужденного (ч. 3 ст. 113 УПК), осуществляют розыск обвиняемого (ч. 1 ст. 248 УПК). На наш взгляд, данные направления деятельности нельзя считать дознанием, поскольку производятся органами дознания не по находящимся в их производстве материалам и уголовным делам, а по инициативе других субъектов уголовного процесса. Дознание в нашем понимании – это досудебное производство, осуществляемое непосредственно должностным лицом органа дознания по находящимся у него в производстве материалам или уголовному делу.

Учитывая мнение В.М. Савицкого о том, что в понятии отражаются общие и наиболее существенные свойства вещей, оно содержит самый высокий уровень обобщения признаков определяемого предмета или класса [9, с. 16], предлагаем следующую норму-дефиницию: дознание – деятельность уполномоченных уголовно-процессуальным законом органов и должностных лиц по рассмотрению заявлений, сообщений об общественно опасных деяниях, предусмотренных уголовным законом, производству неотложных следственных и иных процессуальных действий по возбужденным ими и находящимся в их производстве уголовным делам.

1. Борико Т.В. Теоретико-правовые и организационные вопросы обеспечения законности при производстве дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2001. 27 с.

2. Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе России. М., 2005. 232 с.

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. 700 с.

4. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М., 2007. 960 с.
5. Кукреш Л.И. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие. Минск, 2000. 272 с.
6. Масленков С.Л. Дознание в уголовном процессе России: проблемы совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2004. 27 с.
7. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2008. 581 л.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд. М., 1984. 816 с.
9. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М., 1987. 288 с.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. 516 с.
11. Уголовный процесс : учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М., 2008. 495 с.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Смирнова. Т. 1. СПб., 1996. 565 с.

УДК 343.263

Т.А. Савчук

ПОДПИСКА О НЕВЬЕЗДЕ И НАДЛЕЖАЩЕМ ПОВЕДЕНИИ: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Подписка о невыезде и надлежащем поведении является самой распространенной мерой пресечения в практике отечественных следственных органов (60–65 %), она имеет характер психологического принуждения и требует предельного доверия со стороны органа уголовного преследования (суда) к обвиняемому, подозреваемому (далее по тексту – обвиняемый, если не указано иное). Основное достоинство этой меры пресечения в том, что она не лишает лицо свободы до разрешения дела судом. На первый взгляд подписка о невыезде и надлежащем поведении является достаточно эффективной и самой простой в применении мерой пресечения. Между тем эта мера пресечения имеет ряд проблемных и дискуссионных моментов как с позиции ее законодательного закрепления, так и с практической точки зрения.

Согласно ч. 1 ст. 120 УПК Республики Беларусь подписка о невыезде и надлежащем поведении заключается во взятии у обвиняемого письменного обязательства не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения органа уголовного преследования и суда, не препятствовать расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде, в назначенный срок являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс.

В уголовно-процессуальном законе отсутствует четкая регламентация понятия «место жительства» в контексте подписки о невыезде и надлежащем поведении. В науке уголовного процесса справедливо отмечается, что при подписке о невыезде и надлежащем поведении речь идет о запрете покидать местность, где обвиняемый постоянно или временно проживает. В Указе Президента Республики Беларусь от 7 сентября 2007 г. № 413 «О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания» под местом жительства понимается местонахождение (адрес) жилого помещения, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, и в котором он постоянно или преимущественно проживает.

По сложившейся традиции орган уголовного преследования в постановлении о применении подписки о невыезде и надлежащем поведении и собственно подписке указывает адрес, по которому обвиняемый постоянно или временно проживает. Из этого следует, что при подписке о невыезде и надлежащем поведении обвиняемому запрещено покидать жилое помещение, в котором он проживает. Однако в этом случае данная мера пресечения трансформируется в другую меру пресечения – домашний арест. Изложенное приводит к выводу, что законодательная конструкция ч. 1 ст. 120 УПК Республики Беларусь нуждается в корректировке: в ней должна идти речь не о постоянном или временном месте жительства обвиняемого, а о местности либо населенном пункте, в котором он проживает. Такой подход в правовой регламентации подписки о невыезде и надлежащем поведении содержится в уголовно-процессуальных кодексах государств – участников СНГ: Азербайджана (ст. 165) – запрет на выезд в другую местность, Казахстана (ст. 144) и Узбекистана (ст. 250) – запрет покидать населенный пункт.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о том, можно ли избирать подписку о невыезде и надлежащем поведении к обвиняемым, которые совершили преступление в период нахождения в командировке (отпуске), и определять местом жительства место производства предварительного следствия. Несомненно, что такой подход является удобным для органов предварительного следствия. Примечательно, что